

УДК 117.023.4 (470)

А. А. Беляева

Философия ненасилия Л. Н. Толстого и теория русского классического анархизма

В статье систематизированы представления о специфике философских взглядов Л. Н. Толстого в контексте русского классического анархизма. Обосновано, что концепция ненасилия, сформулированная писателем, имела не только антиэтатический, но также религиозный и этический характер, и значительно повлияла на идеологическую основу анархизма в России.

The basic ideas concerning the specifics of L. N. Tolstoy' philosophical views in the context of Russian classical anarchism are systematized in the article. It is proved that the concept of non-violence, formulated by the writer, was not only anti-static, but also religious and moral, and significantly enriched the ideological basis of anarchism in Russia.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, философия ненасилия, русский классический анархизм, мораль, религия.

Key words: L. N. Tolstoy, the non-violence philosophy, Russian classical anarchism, morality, religion.

Анархизм в ходе своей эволюции прошел стадии классического и постклассического анархизма, с многочисленными разновидностями их теоретических течений [12; 13]. Формирование классического, теоретически и системно разработанного, целостного учения анархизма в России относится к XIX в. и связано прежде всего с деятельностью М. А. Бакунина, который под свободной личностью понимал «человека бунтующего». Его трактовки проблем личности, как отмечается в исследовательской литературе, являются вершиной в классическом русском анархизме [7; 8].

В конце XIX столетия в рамках теории анархизма, в том числе и по вопросам, связанным с проблемами личность-общество, личность-государство и насилие, сформировалась философия ненасилия, автором которой был Лев Николаевич Толстой. Известный русский писатель подробно изучил проблему насилия власти и государства с позиции этики, что позволяет говорить об этическом анархизме Толстого. В основе его философской системы лежит следующая идея: власть возникла тогда, когда возникло противление злу насилием.

Иными словами, власть – это насилие меньшинства над большинством, причем смена общественных форм и государственных структур не приводит к уменьшению насилия и изменению сущности власти.

«... Зло насилия, – пишет Толстой в статье “Единое на потребу. О государственной власти”, – остаётся то же самое и качественно и количественно, нет произвола главы деспотического правительства, есть линчевание и самоуправство республиканской толпы; нет рабства личного, есть рабство денежное; нет прямых поборов и даней, есть косвенные налоги; нет самовластных падишахов, есть самовластные короли, императоры, миллиардеры, министры, партии» [10, с. 200].

Государство, по мысли Толстого, это искусственный продукт привилегированных классов, объект собственности элиты. Оно возникает путём насилия и составляет такой социокультурный институт, который принуждением охватывает всех людей. В то же время государство в историческом плане явилось формой жизни общества более высокой, чем жизнь «дообщественная» (первобытная культура по Л. Моргану и Э. Тайлору). При последней господствовало узкоэгоистическое личное понимание жизни. С развитием общества все более смягчались нравы людей, и на смену личного жизнепонимания пришло жизнепонимание общественное. А власть тем временем все более деградировала и развращалась, поэтому преимущества государственной жизни постепенно сходили на нет. С конца прошлого столетия, утверждал Толстой, в России каждый прогрессивный шаг со стороны общества не только не поддерживался правительством, но, напротив, встречал с его стороны прямое и резкое противодействие.

Важно учесть, что Толстой отрицал государство и с религиозной позиции [1]. «Государство, писал он, – есть насилие, христианство есть смирение, непротивление, любовь, и потому государство не может быть христианским, и человек, который хочет быть христианином, не может служить государству» [9, с. 133]. Русский философ князь Евгений Трубецкой, сопоставляя отношение к государству со стороны Льва Толстого и Владимира Соловьева, писал:

«оба были убеждены, что Царство Божие должно стать всем во всём человеческом обществе, что нет того интереса, той сферы человеческой жизни, которая могла бы оставаться ему внешней или чуждой. Но, исходя из этой общей посылки, оба пришли к диаметрально противоположным выводам. Соловьев ... требовал включения государства в Царство Божие. Наоборот, Толстой настаивал на необходимости совершенного его упразднения. Теократия или анархия, святая государственность, подчиненная церкви, или полное отрицание государства, так ставился вопрос, служащий предметом этого спора» [11, с. 59–60].

Исследователь философского творчества Толстого также подчеркивает, что «подобно Бакунину, Кропоткину и другим теоретикам анархизма, видевшим в государственном насилии источник всех социальных бед и несправедливости, Толстой требовал уничтожения всякого государства, независимо от его сущности и формы» [14, с. 82].

Вместе с тем сводить анархизм Толстого только в совокупности его антиэтатических высказываний было бы неверно. Его учение несло большой положительный настрой, характеризовалось как религиозно-анархическое и нравственно-этическое.

Как мыслитель анархического толка Толстой избрал свой особый путь борьбы с государством. Он отвергал известные ему способы противостояния правительству. Этих способов, по его мнению, два:

«один способ – Стеньки Разина, Пугачева, Декабристов, революционеров шестидесятых годов, деятелей 1-го Марта и других; другой – способ “постепеновцев” – состоящий в том, чтобы бороться на законной почве, без насилия, отвоевывая понемногу себе права» [9, с. 134].

И тот, и другой способы антиправительственной деятельности, считал Толстой, негодны. Прямое столкновение с государством всегда предполагает использование вооруженного насилия. Более того, при поражениях в открытой борьбе нового со старым происходит укрепление старых порядков и торжество реакции, что тоже «неразумно и недействительно». Ещё менее разумен второй путь борьбы с властью, на почве закона, который этой же властью и диктуется. Правительство, имея в своих руках все структуры физического и духовного насилия и порабощения: войско, администрацию, церковь, школы, полицию, суд, – никогда не позволит оппозиции пойти дальше, чем создать иллюзию борьбы с ним. Отсюда, считает Толстой, такое мнимое сопротивление, как постепенное завоевание политических и иных прав и свобод, предлагаемых либералами, – это самообман.

Толстой предлагает свой, третий путь оппозиции государству и власти, – путь ненасилия. В его основе простое выполнение гражданских обязанностей человеком, которые, однако, не связаны с выполнением правительственного насилия. Гражданские обязанности, по мнению писателя, должны быть сопряжены лишь с отстаиванием своих прав каждым членом общества как прав разумной и свободной личности.

Перевод проблемы борьбы с государством из сферы общей жизни и культуры в сферу индивидуального – несомненное достоинство философской антропологии Толстого. Говоря о беззакониях и наси-

лиях властей предрержащих, Толстой писал, что их удалось бы преодолеть,

«если бы те просвещенные и честные люди, которые теперь заняты либеральной деятельностью на почве законности и земствах, комитетах, подцензурной литературе и т. п. не направляли бы свою энергию на то, чтобы в формах, учрежденных самим правительством, как-нибудь обмануть его и заставить действовать себе на вред и погибель, а только на то, чтобы ни в каком случае не участвуя в правительстве и ни в каких делах, связанных с ним, отстаивать свои личные права человека (выделено нами – А.Б.)» [9, с. 140].

«Неделание» может рассматриваться в качестве одной из форм массового ненасильственного действия, т. е. такого бунта, который избегает методов и форм насилия. Оно, по Толстому, включало в себя отказ населения от добровольной уплаты податей, от службы в полиции, армии и на флоте, предполагало бойкотирование деятельности любых государственных органов, связанных с насилием. Призыв Толстого – долой государство – означал на практике прямой вызов правительству и его органам управления. Поэтому писатель оправдывал крестьянские бунты и факты насильственного захвата земли, объяснял их невозможностью для народа далее терпеть существующий порядок вещей. Хотя, вместе с тем, он видел бесперспективность подобных форм народного выступления, ибо они несовместимы были с религиозно-нравственным законом. Согласно Толстому, освобождение человечества от зла и насилия возможно лишь нравственным путем, осознанием себя каждым человеком прежде всего как личности.

Отрицательно относясь к либерализму как разновидности нравственно-политической оппозиции российскому самодержавному строю, Толстой в связи с этим уточняет своё отношение к проблеме права и законотворчества. Исходя из концепции ненасилия, он отвергает юридическое право, причём с обязательной оговоркой, что это относится лишь к современному ему праву. Для современных народов, пишет он, стоящих на достаточно высоком уровне нравственного развития, государственное право, равно как и само государство, становятся излишними. Главным аргументом в пользу последнего Толстой считал то, что юридические законы основываются на воле людей, т. е. они субъективны по своему характеру и направленности, историчны, они поддерживаются насилием и произволом.

В историческом прошлом, по мнению Толстого, право опиралось на страх, поддерживалось силой, мешало людям совершать насилие друг над другом, поэтому оно было оправданно. Первое насилие было

меньшим злом, чем насилие второе. К тому же право практически всегда опиралось на некие вечные и общепризнанные основания, которые людьми разделялись и приверженность к которым не стесняла свободу отдельного человека. Эти начала соответствовали представлениям людей о справедливости.

«Хорошо было еврею подчиняться своим законам, – писал Толстой, – когда он не сомневался в том, что их писал пальцем бог; или римлянину, когда он думал, что их писала нимфа Егерия; или даже когда верили, что цари, дающие закон – помазанники божи; или хоть тому, что собрания законодательные имеют и желание и возможность найти наилучшие законы» [10, с. 96].

Эти времена миновали. Людские нравы стали мягче, чему способствовали рост нравственного сознания и проповеди религий, а в отношении законов и технологии их изготовления человека просветила печать. Отсюда следует то, что люди перестали верить в непреложность гражданских и государственных законов. Они давно уже знают, что неразумно повиноваться законам, в справедливости которых они искренне сомневаются. Более того, повиновение этим законам вызывает у большинства из людей нравственные страдания, поскольку право освящает насилие и наказание.

«Мы признаём ненужность таможен и заграничных пошлин и должны платить их; признаём бесполезными расходы на содержание двора и многих чинов управления; признаём вредной проповедь церковную и должны участвовать в поддержании этих учреждений; мы признаём жестокими и бессовестными наказания, накладываемые судами, и должны участвовать в них; признаём неправильным и вредным распределение земельной собственности и должны подчиняться ему; не признаём необходимости войск и войны и должны вести страшные тяжести для содержания войск и ведения войн и т. п.», – пишет Толстой в трактате «Царство Божие внутри нас» [10, с. 96].

Наконец, подчеркивает Толстой, современное право, юридические и административные нормы с их иллюзией соотнесения со справедливостью, отвергаются и самим государством. Оно перестало нуждаться в праве, поскольку полностью сосредоточило все на средствах прямого насилия: физического устранения граждан, подкупа всех и вся, кто мог бы составить оппозицию государству, идеологической гипнотизации народа.

«Правительство и правящие классы, – отмечает писатель, – опираются теперь не на право, даже не на подобие справедливости, а на такую, с помощью усовершенствований науки, искусную организацию, при которой все люди захвачены в круг насилия, из которого нет никакой возможности вырваться» [10, с. 152].

Поэтому, делает вывод Толстой, не следует возрождать то право, что опиралось на силу и страх. Нужно опираться не на право, а на простой ясный смысл заповедей Христа, на пример его земной жизни. На место государственного права должно придти право каждого человека на счастье, труд, свободу и свободное общение. Всечеловеческая любовь, по Толстому, т. е. царство нравственной «правды», станет главным и единственным законом для всех людей.

Учение Толстого с его жадой безусловного и абсолютного царства нравственности отказывало в моральной санкции любому практическому действию, если последнее сразу и немедленно не давало всей «правды». Отсюда проистекало отрицательное отношение к любой форме конкретных политических или иных действий. В них система нравственного абсолютизма Толстого не видела ничего иного, как одни иллюзии. По мнению А. А. Борового, этот момент в наибольшей степени говорит об идейном родстве учения Толстого и анархического учения.

«Идеализм» анархизма, – писал Боровой, – шел так далеко, что в любой момент он предпочитал идти на поражение, чем делать какие-либо уступки реальной действительности. Душевный порыв, в его глазах, был не только чище, нравственнее, но и целесообразнее систематической, планомерной работы. Его не смущало, что никогда и ничего из анархистских требований не было ещё реализовано в конкретных исторических условиях. Несмотря на некоторые коренные разногласия анархизма с толстовством, лозунг последнего – “все или ничего” был и его лозунгом. Только Толстой в своём отношении к общественности избрал «ничего», анархизм требует “всё”» [3, с. 108].

Толстой отрицательно относился к государственной деятельности, да и к любой другой политической деятельности ещё и потому, что деятельность эта есть изменение лишь внешних форм человеческой жизни. По его мнению, она не затрагивает внутренней, глубинной стороны человеческих отношений, человеческую культуру. Политика невозможна без субъективных оценок. Ею часто движет желание учить жизнь. Непредвзятый же подход Толстого к жизни, порожденный желанием не учить жизнь, а учиться у неё, привел к тому, что он пытался игнорировать политическую сферу жизнедеятельности человека. Отсюда следовало и его отрицательное отношение к революции как способу изменения общественных отношений. Против революционных действий Толстой выступает потому, что видел невозможность отделить революцию от революционного насилия.

Ответ на вопрос о смысле человеческой жизни, согласно толстовству как философско-этической концепции личности, может быть получен и из разума, и из совести, но не из научных исследований. По мнению Толстого, наука не может дать смысл человеческому бытию, поскольку предлагаемый ею образ жизни не выходит за пределы благополучия, лишённого нравственного содержания. Не в компетенции науки и ответы на вопрос о смысле жизни; на него может ответить только религиозная этика. Эта подлинная наука должна исходить из тех основ, которые выработаны «мудрецами и учителями жизни» – Лао-цзы, Конфуцием, Сократом. Смерть и жестокость жизни не оправдывались идеей христианского воскрешения из мертвых, и для Толстого смысл жизни в самой жизни. Но суть этой жизни состоит в духовном обретении свободы. Нравственная максима Толстого: «Жить – значит любить». Религия любви несовместима с насилием, убийством. Для исправления общества, по мнению Толстого, использованы многие средства, но не использовано одно, которое могло бы сделать человека свободным, – это непротивление злу насилием, пассивное сопротивление государству.

Сведение евангельского учения к рационально выстроенной моральной доктрине с основанием в фундаментальном принципе непротивления злу не принял ряд русских философов (К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев и др.). Тем не менее, Толстой в сфере этики и философии остался по преимуществу христианским мыслителем, а толстовство целиком и полностью основывалось на христианской нравственности. В целом взгляды Толстого на смысл человеческого бытия, его философия и антропология лежали в границах позиции «панморализма», а также стали неотъемлемой чертой его литературных творений и педагогических представлений о философии свободного воспитания детей.

Список литературы

1. Арефьев М. А., Беляева А. А. Л. Н. Толстой как религиозный реформатор // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 219–226.
2. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г. Концепт коллективности в теориях анархоиндивидуализма и русского классического анархизма // АСТА ERUDITORUM. – 2018. – № 26. – С. 33–37.
3. Боровой А. А. Анархизм. – М., 1918.
4. Давыденкова А. Г. Философия личности и культурно-институциональные процессы: моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. – 220 с.

5. Давыденкова А. Г., Арефьев М. А., Гарявин А. Н., Беляева А. А. Философия жизни и русский анархизм // Культура и образование в XXI веке: теоретические аспекты / отв. ред. М. А. Арефьев. – СПб.: СПбГАУ, 2008. – С. 5–13.
6. Давыденкова А. Г., Беляева А. А. Образование и воспитание свободной личности в трудах Бакунина и Толстого // Известия С.-Петербур. гос. аграрного ун-та. – 2015. – № 5. – С. 113–117.
7. Рябов П. В. Проблема личности в философии классического анархизма: дис. ... канд. филос. наук. – М.: МГПУ, 1996.
8. Рябов П. В. Философия классического анархизма (проблема личности). – М.: Вузовская книга, 2007.
9. Толстой Л. Н. Об отношении к государству // Анархизм: сб. статей по теории и практике анархизма. – СПб., 1907. – С. 134–140.
10. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.; Л., 1928–1958. – Т. 28.
11. Трубецкой Е. Спор Толстого и Соловьева о государстве. О религии Льва Толстого. Сборник второй. – М., 1905.
12. Ударцев С. Ф. Анархизм // Русская философия. Малый энциклопедический словарь / отв. ред. А. И. Алешин. – М., 1995. – С. 19–20.
12. Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. – Алматы: Казахстан; М.: Форум, 1994.
14. Ячевский В. В. Общественно-политические и правовые взгляды Л. Н. Толстого. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.

Статья поступила: 12.12.2019. Принята к печати: 31.01.2020